

П. П. КРОТОВ, А. В. ЛИПСКИЙ

ПУТИ-ДОРОГИ «БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА»

(очерк о Питириме Сорокине)

Кто не слышал про Питирима Сорокина, не осведомлен о непринятии им «большевистского режима» и последовавшей за этим эмиграции, о критике его взглядов В. И. Лениным? Сведения о биографии и творчестве выдающегося социолога все еще малоизвестны, поскольку почти семь десятилетий не только труды, но и само имя его было под запретом в нашей стране.

В январе 1989 года мировая наука отметила 100-летие со дня рождения Питирима Александровича Сорокина (1889—1968 гг.). В разных странах ему были посвящены многочисленные публикации, не обошла вниманием событие и наша пресса. Однако, в биографии Сорокина остается еще много «белых пятен», и это касается прежде всего детства и юности ученого. Между тем, забегая вперед, отметим, что те далекие годы оказали самое существенное влияние на его жизненный путь. Прежде всего надо ответить на вопрос:

где родился Питирим Сорокин?

На сей счет существует несколько версий. Энциклопедический философский словарь, а вслед за ним и справочник по истории зарубежной социологии информируют, что местом рождения следует считать село Жешарт, ныне Коми АССР. А. Ю. Согомонов называет местом, «где, как известно, родился П. А. Сорокин», город Великий Устюг, Вологодской области. Другой известный социолог Л. Г. Ионин превращает уже упомянутое село Жешарт в «глухую чувашскую деревню». А профессор И. А. Голосенко настаивает на том, что место рождения ученого — «деревня Турья» в Коми крае.

Заметим, кстати, что деревни с таким названием, по крайней мере в XIX в., не существовало. Зато в прошлом столетии на территории Яренского уезда Вологодской губернии (Коми край) стояло село Турья

Питирим Александрович Сорокин, 1917 год

(или Турьинское, согласно Брокгаузу и Ефрону). По-видимому, именно его и имел в виду Питирим Сорокин, указывая в автобиографии «Дальняя дорога» (1963 г.), что он родился 21 января 1889 года в селе Турья, Яренского уезда.

Итак, сам Сорокин в «Дальней дороге» указал на Турью, как на место своего рождения. Однако в других автобиографических и мемуарных трудах название «Турья» не встречается. Более того, описывая свою малую родину, Сорокин повествует о целом ряде городов и сел: Великом Устюге, Котласе, Яренске, Гаме, Жешарте, Римье. В «Листках из русского дневника» он, например, заявляет, что его родина — это район между В. Устюгом и Котласом. Однако, стоит взглянуть на карту, как обнаруживается, что Турья и весь Яренский

уезд удалены от Котласа и В. Устюга на две с половиной сотни верст.

Даже такое солидное издание, как «Международная энциклопедия социальных наук», в статье, посвященной Сорокину, лишь скупо сообщает, что он родился «в 1889 году на деревенском севере России в бедной семье». А известнейший энциклопедический словарь персоналий «Кто есть кто в науке», хотя и указывает в этой связи на Турья, однако далее допускает ряд фактических ошибок. Так, в словаре указывается, что девичья фамилия его матери — Римских. На самом же деле, и Сорокин пишет об этом в «Дальней дороге», фамилию Римских носила в замужестве ее сестра — старшая из теток Питирима Анисья, которая воспитывала Сорокина после смерти матери.

Обратившись к архивам, мы довольно быстро нашли свидетельство в пользу села Турья, причем сделанное рукой самого П. А. Сорокина. В деле Санкт-Петербургского императорского университета, заведенном на него в пору «оставления ассистентом по кафедре уголовного права» (1914 год), имеется жизнеописание — автограф Питирима Сорокина, — относящееся к началу

1920 года, когда он утверждается в звании профессора Петроградского университета.

«Родился в 1889 году в г. Турье, Яренского уезда, Вологодской губернии. Родители: отец — маляр, мать — зырянка-крестьянка. Случайно выучился грамоте. Обучался в Гамской второклассной школе, по окончании ее поступил в Хреновскую церковно-учительскую школу. Не окончив ее по независящим обстоятельствам (арест), прибыл в Петроград. Здесь слушал полтора года лекции на общеобразовательных курсах Черняева. В 1909 году сдал экзамен экстерном на аттестат зрелости при В. Устюжской гимназии и поступил в Психоневрологический институт. В 1910 году перешел на юридический факультет Петроградского университета. В 1914 году его окончил с дипломом I-й степени и был оставлен при кафедре уголовного права и процесса для подготовки к профессорскому званию. В 1916 году сдал магистерский экзамен и в 1917 году был зачислен в приват-доценты Петроградского университета. В 1914—1915 гг. по предложению М. М. Ковалевского и Е. В. Де-Роберти был избран в ассистенты по кафедре в Психоневрологическом ин-

№№ по порядку	Кому выдано свидетельство, съ обозначеніемъ свидѣнія, прописанныхъ въ свидѣтельствѣ	Годъ, мѣсяцъ и день вы-	Росписка получивша- го свидѣтельство
		дачи свидѣ- тельства	
5	Питириму Александрову Сорокину, сыну ипотич- наго города Честна, родъ въ 1889 году январь 20 дня	1904. 2. 10. 10. 10.	Питирим Сорокин

Паспорт П. А. Сорокина, 1911 год

ституте, а в 1915—1916 гг. — в преподавателе социологии при том же Институте.

В настоящее время состою профессором социологии Сельскохозяйственного Института и преподавателем социологии Петроградского Университета и Институт «Живого слова», «Истории искусств» и «Народного хозяйства», членом «Русского Социологического Общества имени М. М. Ковалевского» и Социологического Института...

Как следует из текста, Сорокин назвал Турью городом. Мотив не вполне ясен, но скорее всего это дань привычке, поскольку до конца XIX века этот населенный пункт неофициально считался городком. Возможны и другие объяснения, так как Сорокин совершенно очевидно подтрунировал свою биографию под влиянием господствовавшего в кадровых вопросах «классового подхода». Например, по поводу занятий отца он пишет «маяр», пролетарируя тем самым свое происхождение, хотя на самом деле — и в «Дальней дороге» он с гордостью говорит об этом — ремесленник Александр Прокпьевич Сорокин, будучи церковным реставратором, имел патент «золотых, серебряных и чеканных дел мастера».

Обнаруженные в архивах паспорта П. Сорокина не содержат указаний на место рождения, однако привнесли новые сомнения относительно его даты. Документ, выданный Великоустюжской Мещанской Управой в 1911 году, и паспортная книжка 1917 года свидетельствуют, что их владелец родился 20 января 1889 года, а не 21-го, как утверждал он сам в автобиографии. Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, мы обратились к церковным метрическим книгам Великоустюжского Духовного Правления Вологодской Епархии, исходя из того, что в обоих паспортах Сорокин значится исповедающим православие.

Эти поиски совершенно неожиданно увенчались успехом. В соответствующей книге Воскресенской церкви села Турья (часть I, «О родившихся») обнаружена запись за январь 1889 года под номером два: «23 января родился, 24-го крестился младенец Питирим, сын мещанина Устюжского уезда города Великоустюга Александра Прокпьевича Сорокина и его законной жены

Пелагеи Васильевны». Восприемником (крестным отцом) младенца значится учитель Турьинского земского училища Иван Алексеевич Панов. Таинство крещения совершал Выходящий священник Онежской Богородской церкви Иоанн Попов (село Онежье расположено в нескольких километрах ниже по течению реки Вымь). Запись сделана священником турьинской церкви Викентием Харьюзовым с приложением руки псаломщика Семена Попова.

Теоретически маловероятно, чтобы в одном селе оба январских новорожденных появились на свет в один и тот же день. Скорее оба младенца, Иоанн и Питирим, записаны родившимися 23 января и крещенными на следующий день, дабы показать инспекторам Духовного Правления, что церковь функционирует исправно и святые отцы не дремлют. С другой стороны, мы должны учитывать и такой факт: если допустить, что здоровые, не испорченные цивилизацией зырянки вынашивали детей положенные природой 40 недель, то у рожденных 23 января дата зачатия приходится точно на Пасху 1888 года. При условии, что родители были достаточно набожны, соблюдая Великий пост, дата рождения — 23 января — приобретает большую достоверность.

Во всяком случае, доподлинно узнать время появления на свет Питирима Сорокина — 20, 21 или 23 января — уже не представляется возможным. Однако место рождения — село Турья Яренского уезда — более не подлежит сомнению. Кстати, окрестили его в честь епископа Питирима, одного из трех местных усть-вымских святых, чей праздник по церковному календарю приходился на конец января.

Откуда же разные версии? И Великий Устюг, и село Жешарт все же связаны определенным образом с появлением на свет божий Питирима Сорокина. Первое из названных мест — родина Сорокина-отца, а во втором, как нам удалось выяснить, родилась и жила до замужества его мать — Пелагея Васильевна Минина.

Каким же образом молодая семья Сорокиных оказалась в селе Турья, за сотню верст от родительского дома в Жешарте? Почему дальняя дорога, ставшая судьбой

Питирима, выпала ему еще в утробе матери? И что из себя представляла Турья?

Отец Питирима был странствующим ремесленником и занимался реставрацией церковной утвари, риз, икон и окладов. Иногда он собственноручно расписывал и красил храмы, а при необходимости плотничал и столярничал, подновляя культовые здания. Выучившись ремеслу у знаменитых мастеров Великого Устюга, он перебрался за 300 верст от родных мест в отдаленный уезд Вологодской губернии. В Яренске про-

живало к концу XIX века всего 22 ремесленника, так что Александр Прокопьевич Сорокин мог не опасаться конкуренции. В каждом селе стояла церковь, зачастую и не одна, приходы были богаты и многолюдны.

Однако отход Сорокина-старшего на заработки в отдаленную местность нельзя объяснить только конкурентными мотивами. Север Руси издавна манил к себе переселенцев. Недавно возле села Турья археологи открыли славянское поселение XII—XIII веков. Городище, названное «Жиганов-

Счета родим. шипса.		Месяца и день		Имя родинника.	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого крестного отца.
Мужской пол.	Женский пол.	рожд.	крест.		
1	"	23	24	Сорокин.	Сорокин Алексей Крестовинский Василий Иванович Маминский и Земли по Сорокину. Александр Прокопьевич оба православ- ные впрочем и родители Священник Викентий Александрович Сорокин Маминский Григорий Григорьевич сороки Выходского. Алек- сандр Прокопьевич Сорокин и законный отец по Турья Василий оба православные впрочем и родители Священник Викентий Александрович Сорокин
2	"	"	"	Питирим.	Питиримов Александрович Григорий Григорьевич сороки Выходского. Алек- сандр Прокопьевич Сорокин и законный отец по Турья Василий оба православные впрочем и родители Священник Викентий Александрович Сорокин

Запись о рождении П. А. Сорокина в метрической книге турьинской Воскресенской церкви, 1889 год

ским»*, своего рода факторию, основали выходцы из Новгорода, которые мирно уживались с угорскими племенами языческой культуры. Позднейшая христианизация поэтому протекала относительно спокойно, постепенно, естественным путем перемешивая и интегрируя культуры пришлого русского и постоянного зырянского населения. В результате места обитания зырян — бассейны рек Вычегда и Вымь — превратились в уникальный оазис двух культур, а Яренский уезд стал своеобразной «контактной зоной» для русских и нерусских жителей Севера.

Ритуальные образы, культовые камни, деревянные идолы мало-помалу сменились часовнями и церквями, однако и языческие корни не усохли, сохранившись в языке, обычаях, верованиях местного населения. Возник и до сих пор живет особый яренский «диалект»: здешние жители, свободно говорившие на языках русском и коми, не смогли отдать предпочтение одному из них и пользуются своеобразным синтезом, органично вплетая в окающую русскую речь слова и фонетические особенности коми языка. Вернемся, однако, к отцу Питирима Сорокина.

Начиная свои странствия в поисках заработка, он вскоре появился в селе Жешарт, примерно в 30 км от Яренска. Здесь А. П. Сорокин познакомился со своей будущей женой Палагеей Васильевной. Вскоре после свадьбы (вероятно 1883 год) Сорокин заканчивает реставрационные работы в Жешарте, и молодые перебираются в село Гам, вверх по реке. В 1885 году у них родился первенец Василий. Тем не менее, Сорокины не возвратились в Жешарт, а продолжали свое путешествие по селам Яренского уезда, поднимаясь вверх по Вычегде и затем от устья к истокам реки Вымь (от зырянского «Емва» — чистая вода). Вот населенные пункты, последовательно пройденные за три года: Айкино, Коквицы, Усть-Вымь, Ляли,

Княжпогост, Вотча, Отглы, Онежье и, наконец, Турья. Здесь они остаются зимовать в доме учителя Турьинского земского училища Ивана Алексеевича Панова. Здесь же в конце января 1889 года родился и второй сын Питирим.

Волостной центр Турья в конце XIX века — довольно большое село с населением около тысячи человек, расположенное на крутом берегу Выми. Через него проходил знаменитый «Березовский тракт», торговый путь за Урал. Все лето шумела ярмарка, самая большая в районе. За турьинским приходом числились две церкви, каменная и деревянная. Имелись школа грамоты, церковно-приходская школа, библиотека и земское училище. Тогдашняя Турья была схожа с типично русским средневековым городком, пережившим свою молодость и чудом сохранившимся в течение двух столетий. Она фактически превосходила по числу жителей уездный центр г. Яренск (около 900 человек населения) и уступала ему, пожалуй, лишь в количестве церквей — там их было пять. Впрочем, приход села Жешарт с деревнями был еще больше, и вообще в Яренском уезде насчитывалось немало относительно крупных сел.

Отца Питирима Сорокина можно с некоторой натяжкой отнести к сельской интеллигенции. Общественное мнение причисляло к ней учителей, медиков, лавочников, работников сельской администрации и земств, власть предержащую — урядников, приставов и старшин, ну и, конечно, священнослужителей. В меру образованный, культурный, с солидной богоугодной профессией Сорокин легко входил в круг общения сельской элиты. Кроме того, регулярная миграция в Коми край выходцев из Вологодской губернии, и особенно из Великого Устюга, что показывают фамилии местных жителей (Ярасовы, Минины, Ячменевы, Поповы, Пановы и другие), способствовала расселению на этой территории земляков Сорокина, а это, естественно, облегчало ему поиски работы и саму жизнь. Таким образом, нет необычного в том, что крестным отцом Питирима стал земляк Сорокина — преподаватель земского училища И. А. Панов.

* Жиган — баржа-волокуша. На таких попутках везли до Турьи хлеб, который обменивался на товары, составлявшие исконный промысел северяня: меха, кость, рыбу и прочее.

Весной по окончании работ в Турье семья Сорокиных двинулась дальше. Скорее всего, весь или почти весь маршрут она проделала на «вымке» — большой плоскодонке. Вверх по реке на таких лодках поднимались с помощью шестов, вниз же бурное течение само несло путешественников. Дорог «по-суху» в тех местах практически не было, если не считать зимников, появлявшихся с первым снегом. В конце прошлого века, как впрочем и сейчас, единственным путем, надежно связывавшим села между собой и с большим миром, являлась река. Недаром практически все селения расположены по берегам Вычегды, Выми и их притоков. Последние два пункта путешествия Сорокиных — села Кони и Весляна. Дальше за Чаюсом, каменным мешком между двумя порогами, обжитых человеком мест не было, и семья Питирима повернула обратно. Сплаваясь вниз по реке с остановками там, где вновь приспела работа, они к осени 1892 года добрались до Коквиц. В этом селе мать Сорокина родила третьего сына Прокопия (1893 год) и там же вскоре скончалась от рака в возрасте 34 лет (1894 год). С этого трагического и, по-существу, первого сознательного воспоминания и начинается, кстати, автобиографическая книга П. А. Сорокина «Дальняя дорога».

После смерти матери, которая по воспоминаниям современников Сорокина была женщиной редкой красоты и чистоты души, братьев забрала сестра матери Анисья Васильевна (годы жизни: 1860(?) — 1949). Она жила с мужем, Василием Ивановичем Римских, в деревне Римья в пяти километрах от Жешарта. Своих детей у них не было. Поселились Римских на краю деревни в небольшой избе, поэтому местные жители называли тетку Сорокина «Лав-Анисья», то есть Анисья с окраины. После ее смерти изба некоторое время использовалась деревенскими как сарай, затем разрушилась. Остался лишь остов — несколько нижних обгоревших венцов, заросших крапивой. По сравнению с солидными избами-пятистенками жилище Лав-Анисьи больше похоже на хижину. Очевидно у Василия Ивановича не было родственников в Римье, и избу строили на скорую руку, «миром», а, возможно,

он, как и Сорокин, происходил не из этих мест. Первое упоминание фамилии Римских относится к XVII веку, а в конце XIX столетия потомки первых Римских уже широко расселились по Яренскому уезду. Очевидно, по каким-то чисто семейным причинам Василий и Анисья вынуждены были переехать из Жешарта, где жили родители, в соседнюю деревню Римья.

По описанию Сорокина, дядя Василий умело добывал зверя и рыбу, и в лесах не было тайн от него, хорошо знал повадки животных и местный растительный мир, слыл в округе «туном», колдуном, успешно лечил вывихи, переломы и смещения позвонков. Кроме того, он был для Питирима ходячей энциклопедией по зырянской мифологии и фольклору, обычаям и верованиям. Жители Римьи вспоминают, что и он, и Анисья знали множество сказок и легенд, которые по вечерам рассказывали приходившим послушать детям. Но главное, что отмечает в автобиографии Сорокин, Василий Римских являлся одновременно мудрецом, философом и поэтом в душе, удивительно целостной, гармоничной личностью, живущей в ладу с самим собой и окружающим миром.

Глубина влияния Василия Ивановича и Анисьи Римских, а через них всего зырянского микрокосма на мировоззрение Питирима Сорокина, еще ждет своего исследователя. Однако можно с уверенностью сказать, что целостное и гармоничное мироощущение («философия», этика, эстетика) зырян, усвоенное им в детстве, несомненно способствовало становлению Сорокина-ученого и созданию впоследствии интегральной социологической теории.

Как мы уже говорили, зыряне в течение шести веков после крещения сохраняли свое дохристианское мировоззрение, исповедуя своеобразное христианизированное язычество. Зыряне имели стройное представление о загробной жизни и развитый культ предков, хорошо разбирались в «номенклатуре» злых и добрых духов, домовых, леших, водяных и прочих сказочных жителей Коми-Печорского края. Пережитки язычества не мешали зырянам ревностно исповедовать православие. Подобные рели-

гиозно-культурные химеры достаточно редки и говорят прежде всего о незаурядности и пассионарности народа, которому это удается.

Питирим, сизмальства работая с отцом и братом в храмах, испытал также мощное влияние ортодоксального христианства, обучаясь «закону божьему» не зубрежкой, а «новаторским», по сегодняшней мерке, методом: через игру, творческий труд и критическое осмысление окружающего. Душа и разум его жадно впитывали и соединяли оба взгляда на мир, закладывая основы будущего, собственно сорокинского мироощущения. Так ягель — сухой белый мох Северной Руси — вбирает в себя воду благодатного дождя, на глазах превращаясь в живой и мягкий сказочно-радужный ковер.

Без сомнения, определенное влияние оказали на него и суровые бытовые условия, рано воспитавшие в Сорокине самостоятельность и твердость духа. Жизнь в Римье полноправным членом земледельческой общины и бродяжничество по дорогам края в поисках заработков внесли равную лепту в формирование социолога, ученого и политика, сохранившего глубокое сочувствие, любовь и уважение к крестьянам и твердо усвоившего основополагающие принципы зырянской общины — Труд, Справедливость и Равенство, но в то же время сумевшего преодолеть «притяжение земли» и уйти в большой мир, мир науки и политики, на встречу всеобщему признанию, славе и персональной легенде.

Известно, что после смерти матери отец Сорокина продолжал заниматься ремеслом, обучая основам мастерства сыновей Василия и Питирима, младший Прокопий жил в Римье у Анисьи. Отец не женился и пытался залить тоску по жене водкой. Со временем его стали настигать приступы белой горячки, после одного из которых в 1899 году 14-летний Василий и 10-летний Питирим ушли от отца и начали самостоятельную жизнь бродячих ремесленников, наведываясь между походами в Римью. Чтобы не встречаться и не конкурировать с отцом, который погиб через два года, братья ушли с его обычного маршрута и, как выяснилось, отправились вверх по Вычегде.

Им заказали работу в нескольких селах, в том числе в Палевицах, после чего братья вернулись в Римью и вскоре были наняты для реставрации здания Яренского Спасского собора (!), несмотря на то, что им едва исполнилось 15 и 11 лет. Объем работ был настолько масштабным, что Сорокины даже брали помощников поднимать под ремонтируемый купол балки, стройматериалы, огромный крест на крышу и тому подобное. По окончании подряда в 1902 году Василий и Питирим приходят на работу в село Гам, где происходит событие, ставшее поворотным пунктом в судьбе юного Сорокина.

Прежде чем рассказать о превращении Питирима-шабашника в Сорокина-ученого, несколько слов о его начальном образовании. В двух автобиографиях, написанных в разное время, он указывал, что выучился грамоте самостоятельно (1917 год) и «случайно» (1920 год). Однако это не совсем так. В Римье, например, его вместе с другими крестьянскими детьми обучала чтению, письму и счету одна из жительниц деревни, посещал он и школы грамоты в селах, где работал с отцом и братом, много читал, формальное завершение начального образования пришлось на весну 1901 года, когда Питирим, работая в селе Палевицы, окончил местную церковно-приходскую школу. Этот факт до сих пор не был известен биографам Сорокина, да и сам он в «Дальней дороге» не вспоминает о нем. Нам удалось обнаружить в архиве жизнеописание ученого, относящееся к периоду выборов в Учредительное собрание (1917 год), в котором факт учебы в селе Палевицы нашел свое отражение.

Вернемся теперь в лето 1902 года, когда в селе Гам открылся набор во второклассную школу.

В толпе зевак и родителей, присутствовавших на публичном экзамене, устроенном кандидатам в первый набор учащихся, оказался и Питирим Сорокин. Решив попробовать свои силы, он блестяще справился с испытанием и в числе немногих был принят в школу. Классы и ученическое общежитие располагались в новом деревянном строении. Положенная ему стипендия составляла 5 руб. в год — деньги несравнимые даже с хрестоматийно-нищенским бюджетом студента

Михайлы Ломоносова. Сорокин выдержал два года полугодной жизни в школе только благодаря поддержке Анисьи Римских, снабжавшей его сухарями.

Мы не знаем, сколько учеников было отчислено и было ли, однако установлено, что первый выпуск Гамской школы состоял из пяти человек. Вот их имена в алфавитном порядке, так, как они записаны на первых страницах книги учета выданных свидетельств об окончании учебного заведения: Балин Яков, солдатский сын, Захаров Иван,

солдатский сын, Коковкин Федор, крестьянский сын, Матвеев Стефан, крестьянский сын, и Сорокин Питирим, сын мещанина. Время окончания школы — 1904 год, следовательно, отнеся его к 1903 году в «Дальней дороге», П. А. Сорокин ошибся, по-видимому, его просто подвела память.

В разное время Гамскую школу закончили многие известные в истории Коми края люди. Назовем уже упомянутого Ф. С. Коковкина — крупного деятеля республики в советское время, М. П. Минина — члена ЦИК СССР,

Г О Д Ъ , Ч А С Т Ь П Е Р В А Я . Ш К О Л Ы О К О Н Ч И В Ш И Х О В .

Звание, имя, отчество и фамилия контрибиников.	Кто совершил таинство крещения.	Рубрика дел по случаю такого записи по желанию.
Крестившимся Пересвет Космою Стефаном Ва- сильевичем Виноградовым. Хорвостов Попов.	Воскресением Христова Святых отец Виногра- довых у церкви таинство Крещения о. Миссионером Семеоном Поповым.	В.-
Учеником туркмен- Земляком Учеником Мисси- онера Алексея Попова. мисс Попов. Попов.	Воскресением Христова Святых отец Поповых о. Миссионером Се- меоном Поповым.	

Выписка из книги выдачи свидетельств об окончании Гамской школы за 1904 год

председателя Комиобплана, и Д. А. Батиева (выпуск 1912 года) — известного общественного деятеля, вокруг взглядов которого шла острая политическая борьба, в 30-е годы репрессированного как, впрочем, и Ф. С. Коковкин, и М. П. Минин. Школа в селе Гам существует и сегодня; только недавно ученики и учителя переехали в новое здание неподалеку от старого, где теперь расположен Дом культуры. Это, пожалуй, единственное деревянное строение, имеющее мемориальное значение в связи с Сорокиным, которое полностью сохранилось до наших дней.

После начала учебы в Гаме Питирим оставил прежнее ремесло и расстался с братом. Василий стал ходить по селам один, выпивал, по воспоминаниям старожилов, «немного умом тронулся» или, как пишет Сорокин, стал чем-то вроде сельского «битника». Затем перебрался в Петербург, работал на фабрике, за связи с социалистами был выслан в административном порядке в Сибирь. Во время гражданской войны, как пишет Сорокин, он был схвачен в прифронтовой зоне и «на всякий случай» расстрелян чекистами. Прокопий также погиб в 20-е годы в тюрьме. Питирим же, окончив Гамскую второклассную школу с отличными результатами, по протекции учителя-священника Образцова осенью 1904 года поступает на казенный кошт в Хреновскую церковно-учительскую школу в деревне Хреново Костромской губернии.

Эта трехклассная школа готовила учителей для церковно-приходских школ, то есть была по статусу выше Гамской. Однако возникает вопрос: почему именно Хреновская школа и почему снова учебное заведение, подчиненное церкви? В Гаме все решил случай, но здесь было осознанное решение. Дело в том, что Образцов мог дать ему рекомендацию только в школу ведения Духовного Правления, и в ней Сорокину было обеспечено вспомоществование целевой стипендией. Обойтись без рекомендации он не мог, так как иначе должен был «по распределению» уехать учительствовать в одно из сел Яренского уезда. Кроме того, Хреновская школа — одна из очень немногих — обеспечивала по окончании возможность продол-

жения именно светского образования, то есть поступление в гимназию и затем в институт. Кстати, этим же путем шли и другие способные юноши, ставшие впоследствии крупными учеными. Например, Н. Д. Кондратьев, одноклассник Сорокина по Хреновской школе, вырос в блестящего экономиста, создателя всемирно признанной теории конъюнктурных циклов и директора Конъюнктурного института в Москве.

Таким образом, можно уверенно говорить, что уже по окончании Гамской школы П. А. Сорокин сознательно определил свои жизненные планы — получение гимназического, а затем и высшего образования для занятий наукой. Иначе стоило ли ему уезжать, как говорится, «за семь верст киселя хлебать», если подобных церковно-учительских школ в самой Вологодской губернии было в 1904 году 12, однако ни одна из них не открывала выпускнику дорогу в светские высшие учебные заведения.

Учеба в Хреново стала точкой отсчета еще одной линии судьбы Питирима Сорокина. В 1905 году он вступил в организацию социалистов-революционеров, созданную в 1901—1902 годах на останках народнической идеологии. Всеобщее брожение умов охватило и школу, где учился Сорокин, разделив студентов на группы, симпатизирующие той или иной партии. Быстро разобравшись в целях, прокламируемых различными политическими течениями, он вскоре стал лидером местных эсеров. Как пишет сам Сорокин, его мироощущение оказалось куда ближе «к интегралистской, идеалистической философии и социологии социал-революционеров», искавших опору в широких слоях народа, чем к материализму и экономическому детерминизму пролетарски ориентированных марксистов. По словам Сорокина, ему больше импонировала «борьба за индивидуальность, а не борьба за существование».

Успешно занимавшегося и учебой, и нелегальной деятельностью Сорокина в декабре 1906 года арестовывает полиция. Четыре месяца отсидки в тюрьме г. Кинешма, по свидетельству Сорокина, дали ему больше, чем пропущенный семестр в школе. Правда, тогда образ жизни в тюрьмах несколько отличался от условий заключения в советское

время. Сорокину «посчастливилось» сидеть и при царе, и при большевиках, так что позднее у него было достаточно материала для сравнения. Днем камеры в тюрьме, вспоминает Сорокин в «Дальней дороге», не закрывались, политические свободно общались и дискутировали друг с другом, начальник позволял пользоваться своим кабинетным телефоном, а охранники не отказывались выполнять миссию почтальонов. Отбывая заключение, Питирим познакомился с трудами народников Н. Михайловского и П. Лаврова, эсера В. Чернова, К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова и В. И. Ленина (Н. Ильина) и теоретиков анархизма — М. Бакунина и П. Кропоткина, Льва Толстого, эволюционистов Ч. Дарвина, Г. Спенсера и других. Кроме знаний, тюрьма обогатила его тремя вещами: устойчивым интересом к социальной проблематике, привычкой курить и замыслом первой книги «Преступление и кара, подвиг и награда» (Спб., 1914 год).

В конце апреля 1907 года П. Сорокин был освобожден под гласный надзор полиции. Через несколько дней, посчитав это обременительным и неудобным для себя, он отправился в Иваново-Вознесенск к знакомому преподавателю, также эсеру, после чего, перейдя на нелегальное положение, под псевдонимом «товарищ Иван» вел до середины июля революционную агитацию среди рабочих и крестьян Поволжья. Когда круги полицейского сыска вокруг него сузились настолько, что избегать ареста стало все труднее и труднее, местные эсеры посчитали за благо отправить Сорокина от греха подальше. Август и начало сентября он проводит в Римье, помогая собирать урожай тетке Анисье и брату Прокопию (дядя В. И. Римских умер в 1901 году).

По-видимому, хорошенько поразмыслив, Сорокин приходит к выводу, что дальнейшая «подрывная» деятельность грозит окончательно перечеркнуть его мечту об образовании. В сентябре 1907 года на пароходике «Купчик», одном из двух каботажников, плававших по Вычегде, он отправляется в Вологду и далее поездом в Петербург, чтобы продолжить учение. Не имея денег на проезд к пункту назначения, Сорокин покупает

железнодорожную плацкарту до Рыбинска, после которого едет «зайцем», спасаясь от контролеров на подножке вагона. Однако в Бежецке очередная проверка все же выявляет безбилетника, но кондуктор, сжалившись, оставляет его в поезде, обязав до Петербурга драить туалеты и следить за чистотой в вагоне. В первых числах октября Питирим Сорокин благополучно сошел на перрон Николаевского вокзала Санкт-Петербурга.

Единственным человеком, которого Питирим знал в столице, был его друг детства из Римьи, один из братьев Коковкиных, состоявших в дальнем родстве с Сорокиным по материнской линии. Василий Коковкин одно время бродил по деревням вместе со старшим братом Питирима, а Федор («Педя-Питеряк» на яренском диалекте) в 1905 году переехал в Петербург. Именно у него и остановился по приезду Сорокин. Правда, в «Дальней дороге», он, видимо, по ошибке, называет своего столичного знакомого Павлом. Беседа с ныне здравствующим племянником Федора Николаевича Коковкина, 72-летним пенсионером из Римьи Николаем Васильевичем, сняла все вопросы. Он, не только не владеющий английским языком, но и никогда не слышавший об автобиографии Сорокина, точно воспроизвел соответствующий эпизод из «Дальней дороги», известный ему по рассказам дяди Федора. Кстати, другой Федор Коковкин, одноклассник Питирима по гамской школе, был женат на тетке Николая Васильевича Анисье.

Сорокин быстро нашел репетиторскую работу за стол и жилье и, устроившись на новом месте, стал искать возможность продолжить образование. Не имея средств оплатить обучение и подготовку к сдаче гимназического экстерна, Питирим обратился к К. Ф. Жакову, философу и этнографу, первому из коми, удостоенному звания университетского профессора. По протекции ученого Питирима бесплатно принимают в число слушателей вечерних Черняевских курсов, где преподавал сам Жаков. С января 1908 года их стал посещать и Н. Д. Кондратьев, также вышибленный за революционные шалости из Хреновской школы вслед за Сорокиным. В сентябре 1908 года он, Кондратьев и другой зырянин Кузьбожев, сын крупного

усть-сысольского купца, сняв комнату на Малой Пушкарской (дом 11, кв. 13) стали жить вместе. В Петербурге Сорокин тесно общался со своими земляками, многие из которых достигли известного положения в столице. Кроме Жакова, в числе знакомых Питирима были этнограф (позднее профессор) В. Налимов, литератор и редактор-издатель «Северного вестника» И. Шергин (друг Горького), архитектор А. Холопов, член IV Государственной Думы священник Д. Попов и др. Через них Сорокин вошел в круг петербургской научной и творческой интеллигенции, а также свел первое знакомство с политиками, лидерами эсеров, социал-демократов и кадетов.

В феврале 1909 года Питирим уехал в Великий Устюг, где в доме отцовской сестры Анны и ее мужа Михаила Дранковского готовился к экзамену (экстерном за восемь лет обучения) в великоустюжской мужской гимназии. В мае он сдает все предметы на «отлично», получает аттестат, открывший дорогу в университет, летом, как и год назад, он работает статистиком в экспедиции по изучению Печорского края и в сентябре 1909 года возвращается в Петербург.

После некоторых колебаний Сорокин поступает в только что открытый Психоневрологический институт. Кафедру социологии в нем (отсутствие которой в университете сыграло роль при выборе учебного заведения) вели двое ученых с мировым именем — М. М. Ковалевский и Е. Де-Роберти. Кроме того, институт был много демократичнее университета, в состав студентов входили в основном представители средних и низших слоев российского общества. Вместе с Сорокиным в Психоневрологический институт поступил и Н. Д. Кондратьев. Среди друзей Питирима из числа студентов были В. П. Полонский (Гусин), В. И. Спиридонов, ставшие видными литературными критиками (в 30-е годы репрессированы), Ш. З. Элиава и И. Т. Смилга, крупные деятели партии и государства после революции (в 30-е годы репрессированы), журналист Михаил Кольцов (репрессирован), известный впоследствии психиатр Г. Зильбург (репрессирован) и другие.

Однако, проучившись год, Сорокин с

одобрения М. М. Ковалевского, Е. Де-Роберти и главы института В. М. Бехтерева переводится в Петербургский университет на юридический факультет, где также уделялось много внимания социальной проблематике. Основным мотивом перехода являлось стремление избежать призыва на военную службу, от которой освобождались только студенты государственных университетов. Неразлучный Кондратьев последовал за ним.

Особенностью сорокинских занятий являлась нерегулярность посещения лекций. Он предпочитал самостоятельно изучать первоисточники и монографии профессоров, читавших курсы, чем слушать то же самое в аудиториях. Достижавшаяся этим экономия времени позволяла вникать в предмет глубже и шире предписанного программой. Так, например, три тома по теории права и морали профессора Л. Петражицкого он проштудировал за несколько дней вместо годичного курса по шесть академических часов в неделю. Недостаток лекционного общения с преподавателями Сорокин возмещал на семинарах и в личных беседах с ними, заслужив репутацию способного молодого ученого. При переходе в университет это помогло ему получить стипендию, которой не только оплачивалась стоимость обучения, но и часть расходов на жизнь.

Лето 1910 года Питирим провел в Риме, совершая поездки по селам, где ему доводилось бывать ранее с отцом и братом. В этих походах он собирал этнографический, археологический и антропологический материал, в результате чего той же осенью опубликовал несколько статей, одну написал совместно с К. Ф. Жаковым. Они были посвящены экономике, быту, верованиям и традиционным институтам зырян. Первая из статей Сорокина «Колонизационные вождения», касавшаяся судебных зырянского населения и написанная в 1909 г., не была опубликована и известна только в рукописи. В конце августа Сорокин возвращается в Петербург и приступает к занятиям в университете.

За время учебы П. А. Сорокин написал более десятка серьезных научных работ, не считая рецензий и обзоров публикаций в зарубежной периодике, в том числе оригина-

нальную, благожелательно встреченную учеными монографию «Преступление и кара, подвиг и награда» — пятисотстраничный социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали (Спб., изд-во Долбышева, 1914 год, январь). Недюжинные способности позволили ему в том же году, еще студентом, получить место ассистента на кафедре социологии Психоневрологического института и стать личным секретарем М. М. Ковалевского; кроме того он вошел в редколлегии сборников «Новые идеи в социологии», «Новые идеи в правоведении» и Бехтеревского журнала «Вестник психологии и криминальной антропологии».

В университете П. А. Сорокин не потерял интереса к политике. Через своих друзей и учителей Ковалевского (либерал) и Петражицкого (кадет) он вошел в круг оппозиционной политической элиты Петербурга, через Д. Я. Попова тесно сотрудничал с думской фракцией эсеров, в том числе, как пишет Сорокин, с А. Ф. Керенским. Тут, однако, заметим, что будущий премьер в те годы еще был «трудовиком» и перешел к эсерам только после февральской революции. Дружил Сорокин и с некоторыми большевиками, в первую очередь со своими однокашниками по юридическому факультету Л. Караханом и Г. Пятаковым (оба репрессированы в 30-е годы).

Смерть Льва Толстого в ноябре (по старому стилю) 1910 года стала поводом для студенческих беспорядков. Ответом царского правительства явились массовые аресты зачинщиков. В январе 1911 года жандармы пришли и за Птитиримом. Ему, однако, удалось избежать встречи с ними и уехать в Подолию, а затем по подложному паспорту за границу (под видом курсанта Военно-Медицинской Академии, сопровождающего туберкулезного больного). Побывав в Швейцарии, Италии и Австрии, где он познакомился с только что вышедшей книгой Г. Зиммеля «Социология», Сорокин возвратился в Петербург. «Пыль», поднятая жандармскими сапогами в стенах университета, к тому времени уже улеглась, однако сия история имела свое продолжение для Птитирима. Весной 1911 года Сорокин, как он сам пишет, «по глупости» отказался сдавать экзамены. Этот

демарш, символизировавший, якобы, протест против царизма, стоил ему годовой стипендии. Вероятнее всего этот шаг понадобился ему не для «борьбы» с царским правительством, а для реабилитации себя в глазах тех студентов, которые подвергались гонениям, когда Птитирим вояжировал за рубежом.

Все же Сорокин в конце марта 1913 года еще раз попал в тюрьму за антимонарший памфлет, написанный к 300-летию дома Романовых. Просидев в «предварилковке» около трех недель, он был освобожден из-за недостатка улик и благодаря поручительству профессора Ковалевского, а также ходатайствам депутатов Государственной Думы.

В 1914 году П. А. Сорокин закончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства на 4 года для подготовки к профессорскому званию с ежегодной стипендией в 1200 рублей. К этому времени мировоззрение ученого окончательно сформировалось в интегральную и универсальную систему взглядов, своего рода синтез эмпириокритического позитивизма с достижениями социологической мысли О. Конта, Г. Спенсера, Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Штаммлера, К. Маркса, В. Парето, Н. Михайловского, П. Лаврова, Е. Де-Роберти, М. Ковалевского, Л. Петражицкого, П. Кропоткина, М. Ростовцева и других. С политической точки зрения это была разнovidность социалистической идеологии, в основании которой лежала усвоенная в детстве этика солидарности, взаимопомощи и свободы. По словам Сорокина, его мировоззрение представляло собой вполне оптимистическое видение мира, сходное которому имели многие русские и западные мыслители начала XX века.

Подготовка к профессорству заняла у П. А. Сорокина всего два года. Кроме изучения огромного по сегодняшним меркам списка литературы (в без малого тысячу наименований), он ухитрился издавать множество статей и брошюр, читать лекции по социологии в Психоневрологическом институте, институте Лесгафта, работать в созданном по его инициативе «Русском социологическом обществе памяти М. М. Ковалевского»

(1916 год) и даже написать научно-фантастическую повесть «Прачечная человеческих душ» (Спб., 1917). В ноябре 1916 года он первым в группе соискателей сдал магистерский экзамен и в январе 1917 года получил звание приват-доцента Петроградского университета. Обсуждение же магистерской диссертации, назначенное на март, на котором он собирался представить и защитить текст своей монографии «Преступление и кара, подвиг и награда», не состоялось. Революция спутала планы, а в 1918 году Советское правительство и вовсе отменило (правда, не надолго) все научные звания.

После февральской революции Сорокина затянуло в омут большой политики. Он стал членом Всероссийского Крестьянского Совета, ответственным работником Временного правительства, депутатом Учредительного собрания, соредактором органа ЦК партии социалистов-революционеров «Дело народа», а после раскола эсеров на «социал-патриотов» и «интернационалистов» главным редактором правоэсерской «Воли народа». Апрель—май Сорокин проводит в В. Устюге, Яренске, Усть-Сысольске, подготавливая крестьянский съезд. 26 мая 1917 года он женится на Елене Петровне Баратынской, биологе-ботанике, с которой познакомился в доме К. Ф. Жакова еще в 1912 году, когда она училась на Бестужевских курсах. Отправив жену на лето к родственникам в Самару, П. А. Сорокин сосредоточивается на работе в правительстве в качестве секретаря министра — председателя Керенского, уделяя основное время подготовке созыва Учредительного собрания. Имеются достаточные основания утверждать, что брошюра «К выборам в Учредительное Собрание по Вологодской губернии» — блестящий образец политической агитации, убедительной и понятной рабоче-крестьянским массам — написана именно Сорокиным. Эта книжечка, тиражировавшаяся эсерами и в других губерниях, в немалой степени способствовала тому, что результаты выборов оказались не в пользу большевиков (в целом около 25% голосов против 40% у эсеров).

Октябрьская революция 1917 года резко обострила поляризацию политических сил в стране и поставила под вопрос созыв «Учре-

дильовки». Сорокин и его газета сразу же заняли резко критическую позицию по отношению к «большевистскому перевороту». В результате, 2 января 1918 года, за три дня до открытия Учредительного собрания, его арестовали прямо в редакционном кабинете и препроводили в Петропавловскую крепость, где уже почти в полном составе сидели члены Временного правительства, думские лидеры и царские министры. «Основанием» для заключения Сорокина в 63-й камере Трубецкого бастиона явилось вздорное обвинение в попытке покушения на жизнь Ленина.

Разогнав 5 января демонстрацию жителей Петрограда в поддержку Учредительного собрания и в ночь с шестого на седьмое января российский парламент, новая власть перечеркнула возможность мирного развития событий, и страна неудержимо покатилась к гражданской войне. Это окончательно определило выбор Сорокина. 1 марта его освободили по настоянию левого эсера Крамарова, сотрудничавшего с большевиками. Через неделю Сорокин с женой уехал в Москву, где еще продолжали борьбу антибольшевистские организации, такие, как, например, «Лига за возрождение России». В Москве он в последний раз встретился с Керенским, жившем на нелегальном положении. Бывший премьер попросил вывезти из Петрограда в безопасное место его жену и детей. Сорокин выполнил просьбу, отправив Ольгу Львовну Керенскую в Коми край, где она не скрываясь жила в селе Кочпон в доме родственников его друга архитектора А. Холопова. Осенью 1918 года, после свержения уездного Совета крестьянских депутатов, О. А. Керенская была арестована и доставлена в Великий Устюг секретарем уездной ЧК В. Савиным (впоследствии писателем). Дальнейшая ее судьба неизвестна.

В конце мая 1918 года Сорокин, примкнув к заговорщикам, выехал в города В. Устюг, Вологду и Архангельск. Работая статистиком, он разъезжает по уездам и агитирует народ за сопротивление большевикам, непризнание декретов Советской власти и повторный созыв Учредительного собрания. Однако Сорокин даже в такой ситуации оставался ученым. В Яренске он издает и распрост-

раняет «Программу по изучению зырянского края» — подробный вопросник для сбора этнографических и статистических материалов.

Высадка английских войск, восстание в Архангельске и начало гражданской войны на Севере превратили окрестности В. Устюга в прифронтовую зону. Объявив Сорокина «врагом народа номер один», чекисты начали на него охоту. Несколько недель Питирим скрывался в лесах и на конспиративных квартирах, затем, не желая рисковать жизнью тех, кто помогал ему, Сорокин добровольно сдался ЧК. Приговоренный к смерти, он проводит в заключении около двух месяцев; на его глазах погибают старые друзья, например, П. Зепалов из В. Устюга, памяти которого он посвятит свой капитальный труд «Система социологии». Сорокину, однако, суждено выйти из тюрьмы живым: один из его бывших студентов-большевиков сообщает работавшему в Вологде Ш. З. Элиаве, а тот Карахану и Пятакову о приговоре. По их настойчивым просьбам В. И. Ленин дает указание освободить Сорокина, которого доставляют в Москву. 16 декабря 1918 года он выходит из тюрьмы и, прожив несколько дней у Н. Д. Кондратьева, возвращается в Петроград.

В 1919—1920 годах Сорокин возобновил научно-преподавательскую деятельность в университете, Психо-Неврологическом, Социологическом и Сельскохозяйственном институтах, а также в Институте «Народного хозяйства». Он пишет ряд научных работ, в том числе 2 тома «Системы социологии» (Пг., изд-во «Колос», 1920) и два учебника. В 1920 году становится руководителем кафедры социологии университета и 31 января ему без защиты по совокупности работ присваивается звание профессора. Вместе с И. П. Павловым и В. М. Бехтеревым он приступает к изучению влияния массового голода на человеческое поведение, социальную организацию и идеологию общества.

В 1921 году в Италии (г. Турин, октябрь) проводился очередной Международный социологический конгресс, на котором планировался доклад П. А. Сорокина. Однако командировка не состоялась, так как органы госбезопасности состряпали новое «дело»

о заговоре интеллигенции. В августе 1921 года было расстреляно около шестидесяти человек, среди которых были профессоры Н. Лазаревский, А. Гизетти с женой, поэт Н. Гумилев и другие. В 60-е годы стало известно, что инициатором и вдохновителем этого дутого дела был Я. Агранов, будущий заместитель наркома внутренних дел. Сорокин, как человек, знакомый практически со всеми осужденными, снова попадает под подозрение. В начале 1922 года в печати развернулась массированная кампания травли ученого. Кроме запевных статей Ленина, Зиновьева, Троцкого, появляется множество пасквилей, написанных идеологическими опричниками вроде В. Невского, в те годы ректора Коммунистического университета имени Свердлова, громившего позднее по заказу властей многих ученых, например, тех же А. Богданова или Н. Кондратьева. Масла в огонь подлил вполне благожелательный отзыв П. А. Сорокина на книгу Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма», в которой автором обосновалось новое понимание марксистской социологической теории. В. И. Ленин, еще в 1909 году разругавшись с А. Богдановым, не переносил самого слова «социология» и резко критиковал Бухарина за увлечение «буржуазной» социологической терминологией. Однако противовесом «антисоциологизму» Ленина по-прежнему оставалась традиция русской социологической школы и огромный авторитет самого Питирима Сорокина. Именно поэтому его отзыв на бухаринский труд вызвал такое раздражение Владимира Ильича.

В апреле 1922 года П. А. Сорокин в публичном шестичасовом диспуте блестяще защищает докторскую диссертацию по двухтомнику «Система социологии», а в мае уже приступает к изданию нового труда «Голод как фактор» (тираж уничтожен после выезда Сорокина за рубеж). В августе, находясь в командировке в Москве, он узнает о массовых арестах научной и творческой интеллигенции; их число достигло 150 человек. В Петрограде в это же время арестованы Е. Замятин, профессора Н. Лосский, Л. Карсавин, И. Лапшин, Н. Бердяев, С. Франк, Е. Зубашев и многие другие. Соро-

кин в очередной раз скрывается от ареста, однако, узнав, что профессора будут депортированы из России, он принимает решение покинуть страну и является в московское отделение ЧК, где его включают в списки высылаемых за границу. В сентябре 1922 года Питирим Александрович Сорокин с женой навсегда уезжают за рубеж. После его отъезда преподавание социологии в учебных заведениях страны отменяется, дисциплина эта объявляется буржуазной наукой и запрещается на долгие 40 лет. Сорокин же с 1923 года до самой смерти живет и работает в США.

✓ «Зырянский след» в биографии П. А. Сорокина — это и тот образ, который запечатлен в исторической памяти народа. Зеркало времени, естественно, искривило его отражение, создав одновременно две легенды о Питириме Сорокине — официальную и народную. И если первая упорно рисовала его ярким врагом народа, злым гением коми, то фольклор, наоборот, превращал его в нечто среднее между Робин Гудом и «парнем из нашего города».

После выезда за границу имя Сорокина стало запретным. В большинстве справочных изданий до начала 70-х годов о нем даже не упоминается. С точки зрения Сорокина, вероятно, невелика честь; но как-то обидно за советскую историческую и социологическую науку. Если же табу изредка снималось, типической характеристикой ученого были, например, такие выражения: «маслитый теоретик-социолог, подвизающийся по части клеветы на нашу страну», «политический мастодонт» и т. п.

В то же время у себя на родине «Сорока Петь», как звали его коми, все эти годы был предметом тайной гордости земляков. Жителей Римьи и сейчас называют «сорокинцами». Рассказы о нем в народе ходили самые невероятные. Например, бытует убеждение, что он был женат на дочери купца из В. Устюга и бежал за границу с мешком золота. Что на его деньги построен университет в Сыктывкаре. Что он пристально следил за событиями в Коми крае, и, выступая по «Голосу Америки», резко критиковал непопулярных местных руководителей. Последнее не так уж невероятно, поскольку достоверно известно, что он вел переписку

с земляками до конца 40-х годов. Трудно понять другое: как эта переписка осуществлялась в годы сталинщины.

Буквально все знают, что Ленин вел полемику с Сорокиным. Один бывший работник органов ГБ сумел даже назвать статью Владимира Ильича: «Ценные показания (признания — авт.) Питирима Сорокина». Ошибка небольшая, если учесть стереотипы профессии. Коми уверены в том, что Сорокин хотел приехать перед смертью на родину, однако сыновья — «генералы в Пентагоне» — не пустили. Единодушно описывается, что он был человеком очень высокого роста, большой физической силы и выносливости. Отлично учился, многие старики помнят, как он часто «резал лягушек» и возился с черепами из могильников. Помнят его деятельность «комиссаром Временного правительства», в частности двухчасовую лекцию о текущем моменте в поддержку Учредительного собрания, проведенную в Жешартской церкви (1918 г.). Многие считают его старшим среди братьев; интересно, что Прокопия, дольше всех жившего в Римье, не помнят вовсе. Многие наши собеседники утверждали, что состоят в очень дальнем родстве с Сорокиным, что при проверке не подтвердилось. Однако найдены свидетельства о реальных родственниках ученого, оставшихся в России, и по этим версиям ведется поиск.

Мы нашли также людей, которые помнят и хорошо знают его тетку Анисью. Выяснилось, что Сорокин постоянно писал ей письма, присылал доллары и белую муку, из которой Анисья пекла «французские булки», угощая односельчан. Сама Анисья была неграмотной или плохо видела, так что письма премяннику под ее диктовку писал учитель Жешартской школы П. И. Климушев, георгиевский кавалер и первый работник народного образования в Коми крае, награжденный орденом Ленина. Одно из посланий Сорокина, по воспоминаниям односельчан Анисьи, начиналось так: «Я из простого деревенского парня стал ведущим ученым не только Европы, но и Америки...» (Поиски его переписки продолжаются).

В общем и целом бытующие представления о Сорокине являют пример классического мифотворчества, былинного сказания,

с неременной героизацией главного персонажа и переносом отсвета легендарного героя на рассказчика. Во всяком случае, в чем сходятся все земляки П. А. Сорокина — и знавшие и не знавшие его лично — так это то, что «Сорока Петь» был «Ыджыд морт», что по коми означает «большой человек».

С. Ю. РУМЯНЦЕВА, В. И. ШАРОНОВ

«ОН ВСЕГДА БЫЛ РУССКИМ...»

Имя человека, чей прах покоится на кладбище особого лагеря в поселке Абезь Интинского района, принадлежит к ряду самых значительных имен российской культуры XX века. Установление местонахождения могилы Льва Платоновича Карсавина, блес-

тящего историка, поэта, философа, переводчика, богослова, мыслителя и мистика, чудесным образом совпало с возрождением у нас интереса к отечественной истории и культуре, с возвращением десятков и сотен ранее неизвестных имен, с восстановлением справедливости, долгое время попиравшейся сталинской системой. Многие судьбы оборвались, не оставив никакой надежды обнаружить место последнего успокоения. Редкий случай, когда безымянность ГУЛАГовских погостов разорвана, когда вместо столбика с лагерной литерой установлен крест с начертанным именем — могила Льва Карсавина на чудом уцелевшем кладбище в приполярной тундре.

Лев Платонович Карсавин родился 1 декабря (по старому стилю) 1882 года в Петербурге в семье известного танцовщика, потомственного Почетного гражданина Платона Константиновича Карсавина, артиста Императорского Мариинского театра и преподавателя Театрального училища. Его жена Анна Иосифовна, урожденная Хомякова, была дочерью двоюродного брата известного русского философа-славянофила С. Хомякова. Внешностью Лев Платонович был очень похож на мать, которая считала, что свои интеллектуальные способности сын унаследовал от нее и надеялась, что он будет все в двоюродного деда. «Мать утверждала, — пишет в своих воспоминаниях Тамара Львовна Карсавина, — что силу и остроту ума он унаследовал от ее предков... Она была уверена, что Лев должен приумножить славу рода...»

Карсавины снимали квартиру в Коломне — районе Петербурга, в основном населенном небогатыми людьми. Об ограниченном достатке семьи говорит хотя бы тот факт, что местом занятий гимназиста Карсавина был кухонный стол. В 1891 году, с уходом Платона Карсавина со сцены Мариинского театра, положение семьи резко ухудшилось. Но родители твердо решили, что их сын должен получить высшее образование, и не жалели денег на книги. Лев учился с неизменным усердием. По воспоминаниям Тамары Карсавиной, он даже на даче просиживал целыми днями над книгами, занимался с ней историей, философией и даже

Лев Платонович Карсавин